

6. Кулеева, И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : монография / И. Ю. Кулеева, Я. М. Мазунин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 192 с.

7. Архив суда Минского района Минской области за 2012 г. – Уголовное дело № 1-386/12.

8. Архив суда Бобруйского района и г. Бобруйска за 2010 г. – Уголовное дело № 1-207/10.

9. Михайлов, С. В. Психологические особенности мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / С. В. Михайлов. – М., 2006. – 22 с.

10. Архив суда Бобруйского района и г. Бобруйска за 2006 г. – Уголовное дело № 1-410/06.

ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕРТА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ ЕДИНОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ

Рубис А. С., Ропот Р. М.

*УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, info@amia.by*

Исследуются проблемы поисково-познавательной деятельности судебного эксперта в ходе осуществления доказывания. Обосновывается необходимость расширения пределов вовлечения судебно-экспертных технологий в процесс расследования преступлений, прежде всего, посредством переосмысления содержания познавательных аспектов судебно-экспертной деятельности в рамках реализации познавательной функции в праве в широком смысле этого слова и в рамках следственной функции в уголовном процессе как инструментария достижения истины в результате процесса доказывания.

Ключевые слова: доказывание; единое целеполагание; поисково-познавательная деятельность; судебная экспертиза

Познание истины в уголовном процессе путем реализации процесса доказывания не является лишь прерогативой предварительного расследования, поскольку поисково-познавательная деятельность как основа и содержание процессов установления следовой картины преступления входит в компетенцию и иных субъектов, в том числе в компетенцию судебных экспертов. Такой подход объективно предполагает переосмысление содержания деятельности судебного эксперта в рамках реализации познавательной функции в праве в широком смысле этого слова и в рамках следственной функции в уголовном процессе как инструментария достижения истины в результате процесса доказывания.

Допустимость использования предлагаемой системы мышления определяется объективными процессами развития научного знания, когда для решения относительно узких проблем используются подходы и методы, выработанные в иных науках и формах познания. Это позволяет преодолевать конфликты, когда единый объект (предмет) познания объективно изучается несколькими смежны-

ми и взаимодействующими науками (отраслями, сферами). В частности, такой кризис в отношении подходов к сущности судебно-экспертной деятельности вполне информативно отражает тот факт, что уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности и теория судебной экспертизы как научные дисциплины сформировали собственный подход к экспертному познанию, игнорирующий в ряде случаев взаимные мнения на сей счет. Практика правоприменения лишь подтверждает сказанное. Параллельно отметим, что, с нашей точки зрения, судебно-экспертное познание следует рассматривать не только как деятельность единичного эксперта, а в том числе и как неотъемлемый атрибут процесса доказывания.

С одной стороны, процесс доказывания осуществляется специально уполномоченными на это субъектами и конкретно описан в УПК. С другой стороны, процессуальной актуализацией следовой картины преступления занимаются ряд субъектов. При этом каждый субъект, участвующий в процессе доказывания, выполняет свою специфическую роль в его осуществлении, что в результате влечет определенные конфликты целеполаганий в деятельности этих субъектов и органов, так как их функционирование регулируется различными нормативными актами. В таком контексте достижение общих целей, обусловленных единым целеполаганием деятельности в сфере борьбы с преступностью, объективно может быть подменено решением частных задач – достижением позитивных ведомственных показателей, характеризующих успешность работы того либо иного органа. Обращение в данном случае к общей теории права и ее учению о познавательной функции права, а также взятой в интегративном контексте правоохранительной функции государства в сфере борьбы с преступностью позволят разработать теоретические основы и практические мероприятия по согласованию компетенций данных органов, равно как и выработке положений правовой политики в области борьбы с преступностью.

При этом познавательная функция в уголовном процессе затрагивает буквально всех его участников и роль эксперта в нем трудно переоценить. Но экспертное познание, в отличие, к примеру, от следственного, можно оценить одновременно и как самостоятельное, и как подчиненное. Самостоятельность экспертного познания, если говорить упрощенно, заключается в том, что эксперт применяет в процессе исследования следовой картины преступления те методы, способы и технологии, которые сочтет необходимым. Процессуальная подчиненность (вторичность) заключается в том, что эксперт не инициирует экспертизу самостоятельно, а только отвечает на вопросы лица, принявшего решение о проведении такого исследования (инициатора назначения экспертизы).

При этом исключением, лишь подтверждающим правило, может быть, к примеру, деятельность специалиста в составе следственно-оперативной группы при осмотре места преступления либо проведения иных следственных действий с его участием, когда сам специалист может быть вовлечен в выдвижение прогностических предложений по использованию специальных знаний для осуществления доказывания. Либо тогда, когда от него требуется специальная оценка установленным в результате проведения тех или иных проверочных либо следственных действий фактических данных, необходимых для корреляции про-

цесса доказывания и проведения соответствующих судебно-экспертных исследований. Либо тогда, когда следователь просит у него рекомендаций по дальнейшему алгоритму расследования в части его криминалистического и судебно-экспертного обеспечения.

Следует также отметить, что эксперт может быть назначен и не по инициативе лиц, ведущих уголовное преследование, а по инициативе суда, государственного обвинителя, прокурора, защитника. Защитник кроме этого может представить в суд заключение специалиста и ходатайствовать об исследовании его в ходе судебного следствия и использования таким образом в процессе доказывания. В таком случае может возникнуть конкуренция экспертных знаний (заключений). Причем буквально каждое из них, равно как и все они в совокупности, должны быть оценены уполномоченными субъектами на предмет их относимости, допустимости, достаточности, и что самое главное, – достоверности, при принятии процессуально значимых решений.

Оценивать достоверность судебной экспертизы только исходя из презумпции доверия к деятельности эксперта (экспертного подразделения) – это, образно говоря, то же самое, что оценивать достоверность параметров предмета по отображаемой им тени. Поэтому и добытые экспертом «расчётные» данные и основанные на них же, а также на иных содержащихся в материалах дела фактических данных суждения (мнение) эксперта об исследуемых обстоятельствах и событиях прошлого, лично его итоговое «знание-мнение» о возможности, причинности, последовательности исследуемых ретроспективных событий подлежат комплексной оценке со стороны уполномоченных субъектов на предмет достоверности, установленной и извлечённой из материальных сред, показаний, документов следовой картины преступления. При этом следователь обязан знать как технологию (а не только иметь представление о специальных знаниях) такого процесса, так и этапы формирования собственного убеждения эксперта в достоверности получаемых им результатов (формирование промежуточных, окончательных выводов, их последовательности, логичности, обоснованности и т.д.).

Кроме того, в целях расширения пределов поисково-познавательной деятельности эксперта, требуют своего конкретного и содержательного решения ряд острых проблем. В указанном контексте приобретает особую актуальность необходимость решения давно назревшей проблемы обязательности проявления экспертной инициативы, установление им во всех случаях фактов и обстоятельств, которые не были и не могли быть известны инициатору назначения экспертизы и которые могут расширить диапазон поисково-познавательной деятельности уполномоченных субъектов по установлению следовой картины преступления. Аналогичное замечание касается и проблемы расширения полномочий начальника экспертного подразделения, направленных на привлечение, координацию и эффективное взаимодействие необходимого количества экспертов и специалистов, способных комплексно и прогностически ответить на поставленные перед ними вопросы. При этом ряду полномочий начальника экспертного подразделения следует придать процессуальный, а не только узковедомственный характер. Необходимо уточнение самой дефиниции «судебной экспертиза» в уголовном процессе и определение её, в частности, прежде всего как поисково-

познавательной деятельности, направленной на излечение максимально возможного, полного и комплексного массива следов-отражений системы «преступление». При этом не совсем понятно, как фактическая констатация брака в работе (неполнота, неясность) может быть частью содержания таких понятий как дополнительная и повторная экспертизы.

Вышеизложенное, на наш взгляд, детерминирует необходимость разработки совместных экспертно-следственных, экспертно-судебных, экспертно-розыскных технологий при расследовании преступлений. Объединение технологий поисково-познавательной деятельности различных субъектов обусловлено объединением усилий в процессе доказывания, наличием единых целей, общих источников информации и порядка осуществления доказывания. Эффективность деятельности эксперта нельзя рассматривать без учета оценки эффективности и результативности деятельности всей системы «доказывание». Это ни в коей мере не количество (больше, меньше) объектов экспертных исследований или самих экспертиз и т.д. Это, прежде всего, максимально полное установление следовой картины преступления для решения задач уголовного процесса в целом, а не каких бы то ни было узковедомственных задач. В этой связи подчеркнем, что анализ полисубъектной познавательной функции в уголовном процессе обусловлен спецификой познания каждого его участника и объективно может быть использован при совершенствовании законодательства и оптимизации компетенции заинтересованных органов.

О ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Руткевич В. Н.

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by*

В статье рассматриваются проблемные аспекты расследования преступлений, связанных с нарушениями правил пожарной безопасности.

Ключевые слова: криминалистика; пожарная безопасность; методика расследования

Пожарная безопасность – это состояние объектов, при котором с регламентированной вероятностью исключается возможность возникновения и развития пожара, а также обеспечивается защита людей и материальных ценностей от воздействия его опасных факторов.

Система пожарной безопасности в Республике Беларусь состоит из комплекса экономических, социальных, организационных, научно-технических и правовых мер, а также сил и средств, направленных на предупреждение и тушение пожаров. Она действует в целях защиты от пожаров жизни и здоровья людей, национального достояния, всех видов собственности, экономики Республики Беларусь.